

СИрения

**ПЛЕННИЦА ЗВЕЗДНОГО
ТРОНА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С40

СИрения

С40 Пленница звездного трона / СИрения – М.: Литнет, 2026. – 250 с.

ISBN 978-5-521-99760-2

Они украли её Земной ночью, чтобы сделать своей царицей и любовницей. Двое братьев-властителей делят её тело и душу, а их страсть опасна не меньше политических интриг. Народ требует наследницу, враги плетут заговоры, и лишь она может спасти или уничтожить их мир. Но сможет ли пленница трона удержать равновесие между желанием и властью?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99760-2

© Литнет, 2026
© СИрения, 2026

Пролог

Юлия

Город был чужой. Даже прожив в Питере все свои двадцать два года, я чувствовала его чужеродность. Я шла по мокрому асфальту, закутавшись в плащ, и мысленно перебирала обрывки сегодняшнего свидания. Умный, глазастый аспирант из Политеха к концу вечера смотрел на меня как на красивое, но странное насекомое.

– С тобой, Юль, как-то не по-нашему, – вздохнул он, расплачиваясь за кофе. – Ты вроде тут, а глазами – где-то там, у звёзд. Это немного пугает.

– Просто задумалась, – отмахнулась я, зная, что это ложь. Ложь, которую я повторяла снова и снова. Он был не первым, кто отступал, наткнувшись на мою внутреннюю чужеродность. Крепость, построенную из снов. Не романтических грёз, а конкретных, навязчивых видений: песок, горячий под босыми ногами, исполинские силуэты пирамид...

Дома я наскоро согрелась чаем и вышла на балкон. Ночь была ясной, редкой для Петербурга. Воздух звенел от мороза. Я запрокинула голову, ища глазами знакомые созвездия. Орион, Кассиопея... И тут мой взгляд наткнулся на него. Сначала – просто яркая точка, чуть крупнее и неподвижнее других. Но затем она начала пульсировать, разрастаться. Моё сердце забилося чаще, от странного, щемящего предвкушения. Так бывает, когда сбывается что-то, о чём ты давно знал, но боялся себе признаться. Во рту пересохло, а в висках застучал тот самый, знакомый с детства звон – звон пирамид в пустыне. Это он, – пронеслось в голове. Мысль была не моя, а чужая, древняя, дремавшая где-то в глубинах сознания.

Объект плыл бесшумно. Его сияние было каким-то глубоким, бархатным. Он завис прямо над моим домом, заслонив собой пол

неба. Я не могла пошевелиться, парализованная внутренним ошеломлением. Из днища корабля вырвался ослепительный столп света. Плотный, как жидкое золото. Он коснулся меня, и мир поплыл. «Нет...» – успела я прошептать.

Но было уже поздно. Ощущение падения сменилось полной невесомостью. Последнее, что я увидела, – огни родного города, уплывающие вниз, в бесконечно малую точку. И услышала в голове не голос, а шёпот, на языке, которого не знала, но поняла каждой клеткой: «Время пришло, дочь Ра».

Тьма поглотила меня.

Глава 1

Казм-Ра

Я наблюдал за ней на мониторе биометрических показателей. Землянка. Её жизненные сигналы метались – адреналин, страх, отчаяние. Предсказуемо. Примитивная нервная система, реагирующая на непостижимое как на угрозу. Я отвёл взгляд, позволив взгляду скользнуть по очертаниям моего командного зала. Стены из полированного обсидиана, в которых, словно кровь в венах, пульсировали золотые жилы энергии, перетекали в высокий сводчатый потолок, где мерцала проекция звёздных карт – глубинных маршрутов нашей Империи, пульсаров и тёмных коридоров, известных лишь нам. Теперь они стали путеводной нитью к последнему источнику спасения.

Стены едва ощутимо вибрировали от мягкого, всепроникающего гула силового ядра, питающего «Сахем». Этот звук был моим дыханием, музыкой моего существования. Корабль был не просто машиной; он был продолжением моей воли, высеченным из ядра древнего астероида, насыщенного разумными кристаллами, и оживлённым биотехнологиями, до которых её цивилизации расти ещё тысячелетиями. Капилляры силовых линий сходились к моему трону-креслу, отзываясь на малейшее нейроимпульсное желание. «Сахем» был последним великим творением угасающей расы. И теперь он нёс нас к спасению, купленному ценою свободы другого существа.

Миссия. Слово отдавалось горьким, металлическим привкусом на языке, словно я разжевал крошечный кусочек той самой звезды, что дарила нам жизнь, но теперь выжигала изнутри. Отчаянный рывок за спасительной соломинкой. Мой народ, потомки тех, кто диктовал законы звёздам, строил мегалиты на молодых планетах и сеял семена жизни в безжизненном космосе, вырождался. Не от войны,

не от катастрофы. От изящного, неумолимого проклятия собственного совершенства. Женские линии угасали одна за другой, оставляя после себя стерильное великолепие дворцов, наполненных бездетным смехом, и лабораторий, где мы пытались обмануть собственную биологию. Мы, правители, Стражи Кольца, стали хранителями гибнущего музея под куполом искусственной атмосферы. И эта девушка... эта Юлия... была последним клочком надежды, найденным в результате векового, тотального сканирования Галактики. Её геном содержал рецессивный маркер, чистый, первозданный, не тронутый нашими многовековыми попытками исправить собственную ошибку. Ошибку селекции, начатую ещё на берегах Нила, когда мы, возмнив себя творцами, решили отточить собственную природу, отсесть «лишнее», и в итоге отсекали саму возможность продолжения. Мы играли в богов, не думая о цене, и теперь расплачивались молчанием колыбелей.

Для меня она не была женщиной. Она была сосудом. Инструментом. Живым артефактом, драгоценнее любой реликвии, который нужно было доставить, сохранить в идеальной целостности и использовать для регенерации кода. Её страх, её протесты – всё это было помехами в сигнале её ДНК, которые предстояло неумолимо подавить. Я видел на мониторе, как она бьётся в клетке-каюте, спроектированной как комфортабельные покои, но всё же остающейся клеткой, и чувствовал лишь холодное раздражение, смешанное с усталостью. Неужели она не понимала величия предназначения? Её жалкая земная жизнь, полная дождей, несовершенных отношений и тленного искусства, в обмен на спасение целой цивилизации, на продолжение линии, уходящей в глубь веков дальше, чем её планета существует как геологическое тело? Это был акт милосердия по отношению к её биологической сущности, которая наконец-то обретёт истинное применение.

Бесшумная панель в стене, замаскированная под поток золотых жил, отъехала, впуская Сехем-Анха. Мой брат. Его лицо, всегда

более мягкое, чем моё, с менее жёстким изломом бровей и большей теплотой в глазах цвета тёмного янтаря, сейчас было омрачено грызущей тревогой, что преследовала его с момента, когда мы активировали протокол похищения.

— Она пришла в сознание, — доложил он, подходя к центральному голографическому столу. Его голос был тише обычного. Над столом плавала трёхмерная проекция девушки, её анатомическая схема, подсвеченная синим, с очагами активности — мозг, сердце. Сердцебиение отображалось частой, неровной алой пульсацией, как трепет пойманной птицы.

— Я знаю, — произнес я, даже не глядя на проекцию. — Уровень стресса зашкаливает. Недопустимо. Нужно будет ввести снотворное перед первым осмотром. Нельзя рисковать целостностью тканей.

— Каэм... — Сехем-Анх сделал паузу, опустив взгляд на свои руки, выбирая слова. Это его вечная, утомительная привычка, которая всегда меня раздражала. Прямота была добродетелью воина и правителя, а не роскошью для философа. — Может быть, стоит пойти другим путём? Не сразу. Дать ей время. Объяснить ... показать звёздные карты, историю. Какая честь, какая судьба ей выпала?

Я резко повернулся к нему, и энергетические линии на полу под моими сапогами вспыхнули чуть ярче. Он невольно отступил на шаг, почувствовав волну исходящего от меня давления.

— Честь? — моё слово прозвучало как щелчок бича. — Ты говоришь о чести и судьбе с испуганным зверьком, попавшим в капкан? Она не поймёт. Её мир ограничен бетонными коробками, примитивными социальными связями и химическими всплесками, которые она называет любовью. Ей нужно не объяснение, а приказ. Порядок. Жёсткость. Я сделаю её покорной, брат. Это мой метод. Он эффективен.

— Но пророчество... — начал Сехем-Анх.

— Пророчество! — я с силой ударил кулаком по подлокотни-

ку, и удар отдался низким гулом по всему залу. – «Лишь земная, рождённая под чужим солнцем, принесёт равновесие крови и духа. Но силой не склонишь её сердце, и огонь принуждения обратится пеплом в устах того, кто сеет страх». Я помню каждое слово, каждую черту, выжженную в скрижалях. Я изучал их, когда ты ещё играл со световыми мечами в садах Аменти. Но что есть «равновесие», если не выживание нашего вида? Что есть «дух», если нет тела, чтобы его вместить? Я не собираюсь ломать её сердце. Мне нужно её тело. Его генетический материал. Его биологическое послушание. Сердце... сердце можно успокоить, обмануть, перепрограммировать. Или просто игнорировать.

Мы стояли друг напротив друга, и между нами висело молчание, как межзвёздная среда, полная старых, неизжитых разногласий. Он, младший, видел в ней личность, душу, уникальное сознание. Я, видевший, как гаснут глаза последних детей, – только функцию, ключ к замку. Он верил в тонкость, в убеждение, в магию древних слов. Я – в силу, в точный расчёт, в неотвратимость логики выживания.

– Она не ресурс, Каэм-Ра. Она – женщина, – проговорил он.

– Она – единственный шанс, – холодно, отчеканивая каждый слог, парировал я. – И я не позволю твоей сентиментальности, твоим детским иллюзиям о «священной связи» этот шанс уничтожить. Твоя задача – обеспечить её физическую стабильность, а не размышлять о метафизике. Готовь её к ритуалу Проверки Крови. Полный спектр, с активацией архаичных цепочек. Пора подтвердить чистоту генома, увидеть маркер своими глазами. Всё остальное – эмоции, страх, сопротивление – несущественно. Это пыль на скафандре. Её стряхнут.

Я отключил экран.

– Подготовьте её к лингвистической имплантации, – мысленно отдал я приказ кораблю. – Стандартный протокол. Я хочу, чтобы она

понимала нас с первого контакта. Её страх от непонимания – бесполезный шум, мешающий работе.

Сехем-Анх молча кивнул, его взгляд снова, против моей воли, скользнул к мерцающему изображению Юлии, где алая точка сердца продолжала свой лихорадочный танец. В его глазах, в складке у рта, читалось не просто сомнение или жалость. Читалось глубинное, фундаментальное неповиновение той догме, на которой я строил наше спасение. Я это видел. Я это считывал, как прибор считывает колебания магнитного поля. И запоминал. Судьба целого народа, миллиарды жизней, которые уже никогда не родятся, вся тяжесть истории, давящая на мои плечи, – всё это не могло быть поставлено на карту из-за мягкосердия и философских терзаний моего брата. Инструмент должен быть использован. Такова неизбежная, железная цена нашего будущего. И я готов был заплатить её сполна, даже если эта цена включала в себя слом воли этого земного создания и, возможно, последние остатки симпатии того, кто был мне когда-то не только братом, но и соратником. В холодной математике спасения не было места для переменных чувств.

Глава 2

Юлия

Сознание возвращалось ко мне медленно, будто я всплывала со дна тёмного океана, где время теряет смысл. Сначала – чисто физическое ощущение: я лежала на чём-то невероятно мягком и прохладном. Шёлк. Настоящий шёлк скользил под моими непослушными пальцами. Я боялась открывать глаза, всем телом ожидая боли, жгучего удара по нервам или того самого ослепительного, растворяющего луча. Мои веки казались свинцовыми. Но когда я, преодолевая внутренний страх, всё же разлепила их, то увидела только золото.

Я была в круглой комнате без окон, без видимых дверей, без углов. Всё – стены, плавно, без единого шва переходящие в невысокий купол, даже по сиял внутренним светом, будто был вылит из цельного куска золота или вырезано из янтаря. Свет исходил от самих стен, из их толщи, где мерцали и пульсировали тонкие, как паутина, серебряные прожилки. Они тянулись, разветвлялись, сходились в узлы, как схемы на микропроцессоре. Я застонала, прижав ладони к голове. Сквозь боль я почувствовала странное ощущение – будто миллионы невидимых червей шевелятся в моём сознании, выстраиваясь в новые узоры. Это длилось недолго, но было невыносимо.

Когда боль отступила, я обнаружила, что могу понять надписи на стенах. Сложные иероглифы теперь складывались в слова: «Жизнь», «Сила», «Вечность». Я понимала их не как перевод, а как непосредственное знание. Это было так же естественно, как дышать.

Я попыталась сесть, и тело отозвалось глухой, разлитой по всем мышцам болью, как после долгого падения или сильнейшего удара.